

Едва Хо Фэнле покинул Зал Усердного Правления, как у дворцовых ворот неподалеку заприметил двух ожидавших его людей. Одним был Хэ Лань в синем расшитом халате фэйюйфу, другим — Цинь Юй в белоснежном форменном одеянии Восточного депо. Хэ Лань лениво подпирал плечом каменную стену: скрестив руки на груди и небрежно зажав в зубах какую-то травинку, он поджал одну ногу, уперевшись подошвой в кладку. Цинь Юй же застыл рядом, словно каменное изваяние — руки чинно сложены на животе, лицо бесстрастно, а выправка столь безупречна, что позавидовал бы любой дворцовый евнух.

— Мы тут только что видели Восьмую принцессу, — с усмешкой протянул Хэ Лань. — Караулила тебя, как кролика у норы. Едва спровадили.

— Что-то случилось? — Хо Фэнле поднял на них взгляд.

— Ты чего? Не в духе? — Хэ Лань поубавил веселья.

Для посторонних Хо Фэнле всегда оставался ходячим мертвецом с вечно ледяным лицом, но эти двое знали его с малых лет, вместе грызли гранит науки в Императорской академии и читали его мимику куда лучше других.

Впрочем, спрашивать было почти бесполезно — Хо Фэнле всё равно промолчал бы. Не дождавшись ответа, Цинь Юй сухо бросил:

— Случилось. Наши сцепились со Столичным гарнизоном.

Хо Фэнле молча кивнул. Они уже собирались уходить, когда на соседней дворцовой аллее показалась пышная свита Великой принцессы, шествующая с невероятной помпой.

— До нас уже дошли слухи, что ты разнёс Игорный дом Лунсин, который крышевал кузен Великой принцессы, — Хэ Лань бесцеремонно закинул руку на плечо Хо Фэнле. Оба они были крепкого, воинского сложения, так что смотрелись рядом вполне гармонично, в отличие от тонкого и сухощавого Цинь Юя. — Небось она уже завалила императора жалобами на тебя?

Генерал промолчал.

Хэ Лань и не ждал ответа — таков уж был их привычный уклад: они с Цинь Юем могли без умолку чесать языками и перемывать кости придворным, пока Хо Фэнле хранил невозмутимое молчание.

— Что же до кузена Великой принцессы... — вкрадчиво начал Цинь Юй.

— А? Что такое? Есть свежие сплетни? — Хэ Лань тут же оживился. В делах сыска и сбора слухов даже Парчовая стража втайне завидовала ищейкам из Восточного депо, хотя за глаза всегда потешалась над их привычкой подслушивать под чужими окнами.

Цинь Юй брезгливо уклонился от внезапно придвинувшегося к нему лица Хэ Ланя и холодно пояснил:

— Кое-какие слухи есть. И они напрямую касаются человека, спасшего Хо Юньцы и Хо Юньцзяня.

— Лю Сяочжу?

— Дедушка, повтори еще раз, пожалуйста. Кажется, я ослышался. Ты сказал, у меня... что у меня?

— Всё ты расслышал, — вздохнул старик. — Ты помолвлен с Цзян Цзыэр, старшей дочерью помощника министра финансов. Господин Цзян уже прислал визитную карточку и с минуты на минуту будет здесь. Я пришел спросить: намерен ли ты сохранить эту помолвку?

Лю Чжэньцин, распластанный на больничной постели, всерьез засомневался, не повредил ли он слух при падении.

«И после этого люди еще удивляются, почему у Лю Сяочжу была столь скверная репутация? — пораженно подумал он. — Иметь законную невесту и при этом открыто, без тени смущения волочиться за генералом Хо... Раньше я думал, что этот парень просто безумно храбр и гоняется за несбыточной мечтой, но теперь это пахнет откровенным бесстыдством».

— Дедушка, — округлил глаза Лю Чжэньцин. — Так я, оказывается, не обрезанный рукав? Или слухи в Императорской столице преуменьшали мои «подвиги»? И что, семья Цзян терпела это сквозь пальцы? А ты сам почему не вмешивался?

Старый господин Лю неловко кашлянул, на его лице промелькнуло явное замешательство. Наконец он соизволил прояснить ситуацию.

Когда в свое время пал прежний канцлер Лю Чжэньцин, его родственники, умирая от страха попасть под горячую руку, решили пойти ва-банк и предложить свои безграничные богатства новому императору. Но столь щедрое подношение требовалось кому-то представить во дворце. На этот опасный шаг решился Цзян Хун — помощник министра ритуалов. Будучи выходцем из бедной семьи без серьезных связей и надежд на продвижение по службе, он решил рискнуть всем ради благосклонности монарха. И, к удивлению многих, сорвал куш.

В благодарность за содействие было решено скрепить союз браком — классический стговор между чиновником и богатым купечеством. О предстоящей помолвке доложили самому государю. Хоть союз и не скреплялся высочайшим указом, разорвать его в одностороннем порядке без веских причин теперь считалось делом предосудительным.

К тому же, благодаря союзу с семейством Лю, Цзян Хун сказочно разбогател на совместных вложениях. Терять столь жирный куш чиновнику не хотелось, а потому последние два года он просто закрывал глаза на все безумства Лю Сяочжу. В конце концов, семейство Цзян прекрасно понимало: добиться взаимности от неприступного Хо Фэнле у этого избалованного мальчишки не было ни единого шанса. Да и к мужской любви в обществе относились философски. Поскольку Лю Сяочжу не заявлял категорически, что женщины его вовсе не интересуют, дело спустили на тормозах. Так они и тянули время.

Изначально старик надеялся, что внезапная амнезия внука поможет вернуть его на путь истинный и спасти брак, однако теперь у главы семейства Лю появились совсем иные соображения.

Лю Чжэньцин переваривал услышанный вздор добрых полминуты, прежде чем решительно помотать головой.

Стоявший у постели слуга Цзиньли, услышав отказ хозяина, изменился в лице. Он так отчаянно заерзал, явно желая что-то вставить, но не смея перебивать старших, что его физиономия забавным образом перекосилась.

Старый господин Лю прищурился. Не говоря ни слова, он велел дворецкому принести увесистую стопку гроссбухов и вывалил их перед внуком.

— Разорвать помолвку можно, — ровным голосом произнес старик. — Но сперва взгляни-ка на это. Просмотри отчеты и скажи мне, видишь ли ты здесь какие-то нестыковки?

Лю Чжэньцин мысленно подобрался, и легкая полуулыбка исчезла с его губ.

«Кто бы сомневался, — хмыкнул он про себя. — А я-то гадал, с чего вдруг дед сделался таким чутким и заботливым, что решил спросить моего мнения. Как же!»

На самом деле именно старик больше всех пекся об этом союзе. Каким бы богатым ни был придворный купец, в табели о рангах торговцы всегда стояли на самой низшей ступени, особенно с такой фамилией, как Лю. Чтобы защитить семейное дело, им требовалась надежная опора во власти, а лучшего способа привязать к себе чиновника, чем брак, еще не придумали.

И раз дед вдруг пошел на попятную, предоставив внуку право выбора, значит, разглядел в нем недюжинный ум. Зачем разминивать ценного наследника на сомнительный союз, где тот окажется в положении приживала и бесправного зятя при чиновном доме? Бесполезного оболтуса не жалко отдать в чужую семью на правах примака, но способным юношей разбрасываться глупо.

Впрочем, дело было не только в талантах, которые Лю Чжэньцин невольно продемонстрировал за последнее время. Тот факт, что старик больше двух лет сквозь пальцы смотрел на безумные ухаживания внука за генералом, тоже имел двойное дно. На первый взгляд — потворство

глупости, на деле же — тонкий расчет. Кто в столице представлял для возрожденного дома Лю наибольшую угрозу? Разумеется, поместье генерала Хо, ведь их семьи связывала кровная вражда. Попуская выходки Сяочжу, дед прощупывал границы терпения генеральского клана.

Теперь же, когда Лю Сяочжу спас детей Хо Фэйхана и генерал самолично прибыл с благодарственным визитом, стало ясно: Хо Фэнле не тронет их. Семье Лю больше не нужно было содрогаться от страха перед местью военных, а значит, и судорожно цепляться за мелкого чиновника из министерства ритуалов отпала необходимость.

Взвесив все за и против, старик охладел к идее женитьбы. Чрезмерное сближение с одним конкретным сановником могло лишь связать купеческому союзу руки. К тому же, раз уж Лю Сяочжу в глазах общества прослыл беспутным волокитой, расторжение помолвки по его инициативе позволит девице Цзян сохранить лицо. И союз распадется без лишней вражды.

В богатых домах семейные узы — товар дефицитный. Человек, сумевший удержать на плаву такую махину, как торговый союз семьи Лю, по определению не мог быть добряком.

Лю Чжэньцин бросил ленивый взгляд на разложенные книги.

— Дедушка, побойся богов, я ведь всё еще болен.

— Ничего, время терпит. Почитывай потихоньку, — старик остался глух к жалобам.

У Лю Чжэньцина дрогнул уголок рта. Попытка уйти в глухую несознанку с треском провалилась. Впрочем... это ведь можно обернуть себе на пользу.

В его глазах промелькнул хитрый огонек. Потянувшись, он уверенно выудил из стопки несколько конкретных тетрадей, касавшихся портовых сборов и речных перевозок — тех самых, где ранее приметил неладное.

— К чему эти проверки, дедушка? Взгляни лучше сюда. Только очень внимательно, — Лю Чжэньцин раскрыл одну из книг и постучал пальцем по паре колонок с цифрами.

Старик с глубоким сомнением уставился на чистые, аккуратно заполненные страницы. Он долго вглядывался в безупречные столбцы, пока вдруг шумно не втянул сквозь зубы воздух.

Глава торгового союза разглядел то, что скрывалось за идеальным фасадом: кто-то тайно подделывал таможенные декларации и накладные на грузы. Похоже, порты семьи Лю использовали для контрабанды.

— Как ты... откуда?..

Лю Чжэньцин лишь загадочно улыбнулся.

«Притворялся дурачком, чтобы не высовываться?» — пронеслось в голове старика. В их паучьем гнезде это было вполне разумно, ведь два родных дяди мальчика спали и видели, как бы прибрать к рукам наследство.

— Но почему ты раскрыл карты сейчас? — строго спросил дед.

— Так ведь память отшибло, — небрежно пожал плечами Лю Чжэньцин. — Начисто позабыл, как надо скрытничать, а тут вдруг взглянул — и голова сама всё сообразила.

На суровом лице старика впервые проступило некое подобие вины.

— Дитя мое, можешь спать спокойно. Отныне тебе больше не нужно прятать свой талант. Твой дед позаботится о том, чтобы...

— Дедушка, у меня есть предложение, — мягко перебил его Лю Чжэньцин.

— Какое?

— Когда мы покончим с помолвкой и я окончательно встану на ноги, позволь мне инкогнито отправиться на юг. Я хочу лично во всем разобраться и навести порядок на наших пристанях, — с предельной искренностью в голосе произнес юноша.

Старик нахмурился:

— С чего вдруг такое рвение?

«Разумеется, ради того, чтобы убраться подальше от Императорской столицы под благовидным предлогом, — усмехнулся про себя Лю Чжэньцин. — На юге затеряться под новым именем куда проще, чем устраивать побег прямо из-под носа императорских ищек в Императорской столице. Меньше шума, меньше риска».

— Прodelки с речными грузами шиты белыми нитками, но за руку воров поймать непросто, — пустил в ход всё свое красноречие Лю Чжэньцин. — Считаю это моим боевым крещением. Мне нужно набраться опыта в настоящем деле, к тому же... — Он намеренно оборвал фразу на полуслове, сделав скорбное лицо. Будучи непревзойденным знатоком человеческих душ, он знал, на какие струны нужно нажать, чтобы заставить старика дрогнуть.

Старик погрузился в раздумья. Если старший внук действительно обладает недюжинным умом, оставлять его в столице сейчас небезопасно. Внутрисемейная грызня, недавнее покушение с ядом, похищение... Отправка на юг убьет сразу двух зайцев: уберекет мальчика от покушений

завистливых дядей и позволит проверить, на что он способен в реальном деле. Это куда разумнее, чем держать его при себе, наблюдая, как родственники сжирают друг друга живьем. Конечно, отсылать едва оправившегося юношу в глушь казалось суровым решением, но иного выхода не виделось.

В душе старого купца боролись сухой расчет и капля родственной привязанности. И все же стремление вырастить достойного преемника, способного удержать в узде весь Торговый союз семьи Лю, перевесило — ведь второй и третий сыновья на эту роль явно не годились.

В конце концов старик медленно кивнул, соглашаясь. В этот самый момент в двери постучал слуга и доложил, что прибыл помощник министра ритуалов.

Едва за старым господином Лю захлопнулась дверь, Лю Чжэньцин повернулся к Цзиньли, который все это время стоял надувшись, как мышь на крупу, и едва ли не синел от переполнявших его чувств.

— Ну и чего ты пытишь? — поинтересовался он.

— Молодой господин, неужели ты и вправду расторгнешь помолвку? — наконец выпалил слуга.

Лю Чжэньцин притворно нахмурился:

— А как иначе? Твой господин ослабил себя на всю Императорскую столицу, до беспамятства волочась за другим мужчиной, и после этого мне прикажешь как ни в чем не бывало держать при себе честную девушку? К тому же, разве не ты громче всех поддерживал идею завоевать сердце генерала Хо?

— Да нет же, господин! — взмолился Цзиньли, всплеснув руками. — Ох, если бы ты только знал... На самом-то деле девица Цзян первая нарушила слово!

Лю Чжэньцин удивленно приподнял бровь:

— Вот как? Любопытно. Выкладывай.

Поняв, что хозяин ничего не помнит, Цзиньли торопливо зашептал, раскрывая тайны прошлых лет.

Как оказалось, когда помолвка только состоялась, робкий и тихий Лю Сяочжу был на седьмом небе от счастья. Круглый сирота, лишенный родительской ласки, он больше всего на свете мечтал обрести собственный теплый очаг. И хотя он ни разу не видел нареченную невесту, регулярно отправлял девице Цзян изысканные подарки, выказывая ей всяческое почтение и нежность.

Однако во время одной из поездок за город Лю Сяочжу случайно прослышал, где сейчас находится его невеста. Сгорая от любопытства, он подговорил Цзиньли пойти вместе с ним и тайком взглянуть на суженую. Мальчишка и представить не мог, какая сцена его ждет: девица Цзян предавалась любовным утехам с другим мужчиной. Причем ее тайным ухажером оказался не кто иной, как двоюродный брат Великой принцессы — известный на всю столицу заносчивый негодяй.

Для бедного Лю Сяочжу это стало жестоким ударом. Дождавшись, когда любовники расстанутся, он преградил девице Цзян дорогу и прямо заявил, что видел всё от начала до конца. Парень лишь хотел узнать правду: принудили ли ее силой или... Однако бледный вид испуганной бесстыдницы и ее невнятное лепетание не оставили сомнений — она предавалась блуду по собственной воле.

Будучи юношей благородным и не желая губить ее репутацию, Лю Сяочжу лишь попросил девицу Цзян самой поговорить с отцом и расторгнуть их помолвку. Но то ли Цзян Цзыэр струсил, то ли замышляла недоброе, только дело она замяла. А вскоре под предлогом траура и вовсе уехала из Императорской столицы в родные края, укрывшись там от позора.

Как раз в это время Лю Сяочжу угодил в беду, откуда его вызволил победоносно вернувшийся в столицу Хо Фэнле. Ослепительный образ спасителя подарил раненой душе юноши такое невероятное чувство защищенности, что тот буквально лишился рассудка, влюбившись с первого взгляда. Начались долгие и навязчивые преследования генерала. Лю Сяочжу не раз умолял деда разорвать старый помолвочный договор, но старик, увлеченный своей игрой с проверкой терпения генеральского дома, лишь отмахивался.

Так продолжалось до тех пор, пока девица Цзян не вернулась в столицу. Старый господин Лю решил, что пора завязывать с глупостями, пока дело не приняло дурной оборот, и вознамерился поскорее сыграть свадьбу. Однако семейство Цзян повело себя на удивление уклончиво, а тут еще и несчастный случай с Сяочжу спутал главе семейства Лю все карты.

— Вот я и говорю: коли расторгать помолвку, надо выставить всё так, чтобы мы остались правыми! — с жаром доказывал Цзиньли. — Она ведь первая изменила слову! Если старый господин не узнает правды и придумает какую-нибудь нелепую отговорку, вся вина падет на твои плечи, и столичные сплетники косточки тебе перемоют!

Маленький слуга горой стоял за своего хозяина. С его точки зрения, этот брак давно превратился в пустой звук. Сяочжу сберег честь неверной невесты, так почему он не имел права искать счастья с тем, кого действительно полюбил?

Лю Чжэньцина досужие сплетни о собственной репутации волновали меньше всего на свете. Какая разница, что станут болтать на рынках, если вскоре он навсегда покинет эти края под чужим именем? Однако его изощренный, привыкший к интригам разум уловил в этой истории странное созвучие.

«Сначала Лю Сяочжу застает невесту с хахалем, а вскоре едва не гибнет, — принялся

сопоставлять факты он. — Затем Цзян Цзыэр возвращается в столицу, дед заводит разговоры о свадьбе, и беднягу Сяочжу тут же похищают и травят ядом... Не слишком ли много совпадений?»

Впрочем, поразмыслив еще немного, Лю Чжэньцин мысленно отмахнулся от этих подозрений. Нанимать убийц только ради того, чтобы сорвать нежелательный брак? Слишком уж безумный и глупый шаг, когда можно было просто настоять на расторжении помолвки.

Решив не забивать себе голову лишними заботами, Лю Чжэньцин выбросил это из головы. Спустя два дня по столице разнесся слух об официальном расторжении помолвки. Семейство Лю объявило, что из-за частых несчастий, преследовавших молодого барина, они обратились к гадателю по звездам, и тот вынес вердикт: судьбы молодых людей несовместимы. В итоге обе стороны пришли к мирному согласию. Говорили, будто помощник министра ритуалов долго колебался, но после бессонной ночи все же поставил свою подпись на бумагах.

Лю Чжэньцин, услышав об этом, рассмеялся так бурно, что едва не растревожил затягивающиеся раны.

«Несовместимость судеб, надо же! — веселился он. — Точно такой же предлог мы использовали в моей прошлой жизни, когда расторгали помолвку с Ли Синжо. Неужели у здешних мудрецов за столько лет не хватило ума придумать хоть какую-то новую отговорку?»

Новость о разрыве помолвки, щедро приправленная недавним разгромом игорного дома, мгновенно превратилась в главную сенсацию столичных чайных. Пока Цзиньли, брызжа слюной от негодования, пересказывал уличные пересуды, Лю Чжэньцин лениво крутил в руках хитрые деревянные головоломки — старую забаву, к которой питал слабость еще в прошлой жизни. Долетавшие до него обрывки слухов он пропускал мимо ушей, искренне удивляясь праздности столичных жителей.

«И с чего вдруг столько шума вокруг рядового купца? — размышлял он. — Мы ведь не принцы крови и не знатные девицы. Словно мелкие ярмарочные комедианты, скупившие всех уличных глашатаев ради минутки славы».

Затворив двери для внешнего мира, Лю Чжэньцин сосредоточился на главном — он усердно принимал целебные снадобья, присланные Ли Синжо, чтобы поскорее встать на ноги. Сладкий ветер свободы уже щекотал ему лицо: рассвет новой, беззаботной жизни был близок как никогда.

В один из дней Лю Чжэньцин, разложив на коленях карту империи, увлеченно высчитывал, в каком из южных городов ему будет проще всего запутать следы и ускользнуть от приставленной дедом охраны. Его занятие прервал Цзиньли, который с криками влетел в покои, едва не выломав дверь.

— Молодой господин!.. Господин, беда! Бунтовщики сорвали Торжественную церемонию весенней пахоты! Совершенно покушение на императора! На улицах творится сущий кошмар,

стражники хватают всех подряд!

Пальцы Лю Чжэньцина, скользившие по карте, замерли.

— Император ранен?

— Обошлось, слава богам! Хоть охрану и нес столичный гарнизон, генерал Хо неотлучно находился подле государя, так что убийцы даже близко не подобрались к императорскому паланкину. Наши слуги ходили поглазеть на праздник, так едва живы остались — прямо в толпу влетела объятая пламенем повозка! Что там началось... Сущий ад! В воздухе свистели стрелы, летели абордажные крючья на цепях, колесницу Его Величества едва не перевернули! Но тут генерал Хо взмыл ввысь, одним взмахом меча перерубил железные цепи, отразил целую тучу стрел, а накренившийся паланкин заставил опуститься на землю, просто наступив на него сверху! Истинный бог войны, один против полчищ...

— Схватили кого-нибудь на месте? — резко оборвал его восторги Лю Чжэньцин. — Известно, чьих рук дело?

— Кого-то закололи на месте, другие сбежали. Поговаривают, за покушением стоят недобитки времен Мятежа Трех Князей. Сейчас солдаты прочесывают каждый переулок, народ в панике. С тех пор как казнили того великого предателя-канцлера, в Императорской столице подобных бесчинств не случалось.

«Мятеж Трех Князей? — нахмурился Лю Чжэньцин. — Но ведь тогда я вымел всю эту шваль подчистую. Неужели упустил кого-то?..»

Он оборвал собственную мысль на полпути и мысленно дал себе затрещину.

«Какое мне теперь дело до дворцовых тайн? Я ведь решил уйти на покой. Пусть у молодого императора голова болит. Жаль только, отъезд придется отложить. После такого переполоха город закроют наглухо, разбирательства затянутся на месяц-другой».

К крайнему изумлению Лю Чжэньцина, со следствием управились всего за десять дней. Власти поспешили объявить, что заговор раскрыт, а все причастные понесли заслуженное наказание. Императорская столица вздохнула с облегчением. И хотя Лю Чжэньцин чуял за этой поспешностью какую-то фальшь, копаться в чужом грязном белье ему не хотелось. К тому же приближалось время Весенних императорских экзаменов: улицы заполнили толпы молодых ученых, съехавшихся со всех концов империи, и обыватели быстро переключились на новые темы для разговоров.

Вскоре раны окончательно затянулись, и настал день, когда Лю Чжэньцин должен был встретиться со стариком Чжао.

Выбыв после долгого затворничества в город и без труда закрепив за собой нужный товар, Лю Чжэньцин пребывал в прекрасном расположении духа. Заметив, что хозяин сияет от радости, Цзиньли тут же предложил заглянуть на обед в Башню Тайбай — когда-то это было любимое заведение покойного Лю Сяочжу. Глядя на то, с каким жаром слуга расхваливает местные яства, Лю Чжэньцин подумал, что вскоре покинет это тело и этот город навсегда. Почему бы напоследок не почтить память прежнего владельца его излюбленным лакомством? Он велел остановить экипаж и сошел на мостовую.

Однако не успел он дойти до дверей трактира, как дорогу ему бесцеремонно преградили.

— Какая удивительная встреча! Неужто пред нами сам молодой господин Лю, который так жаждал приударить за генералом Хо, что выдумал нелепый предлог и безжалостно расторг помолвку?

Громкий, сочащийся ядом голос мгновенно привлек внимание прохожих. Люди вокруг стали замедлять шаг и с любопытством вытягивать шеи.

Лю Чжэньцин удивленно приподнял бровь и окинул взглядом стоявшую перед ним парочку. Юноша и девушка, судя по всему, благородного происхождения, держались высокомерно, а за их спинами маячила внушительная толпа слуг.

Спутница щеголя была весьма недурна собой, но держалась подчеркнуто холодно и брезгливо, воротила нос, избегая встречаться с Лю Чжэньцином взглядом.

Что же до самого молодого человека — на его холеной физиономии клейма ставить было негде. Однако Лю Чжэньцина этот наглец даже порадовал: в наглых глазах незнакомца так и читалось непреодолимое, жгучее желание получить хорошую взбучку.

«И откуда только взялся этот напыщенный индюк? — весело подумал Лю Чжэньцин. — Я уже сто лет никого не ставил на место, а сегодня у меня на редкость прекрасное настроение. Грех отказываться от развлечения, которое само идет в руки».

<http://bllate.org/book/20542/2130788>